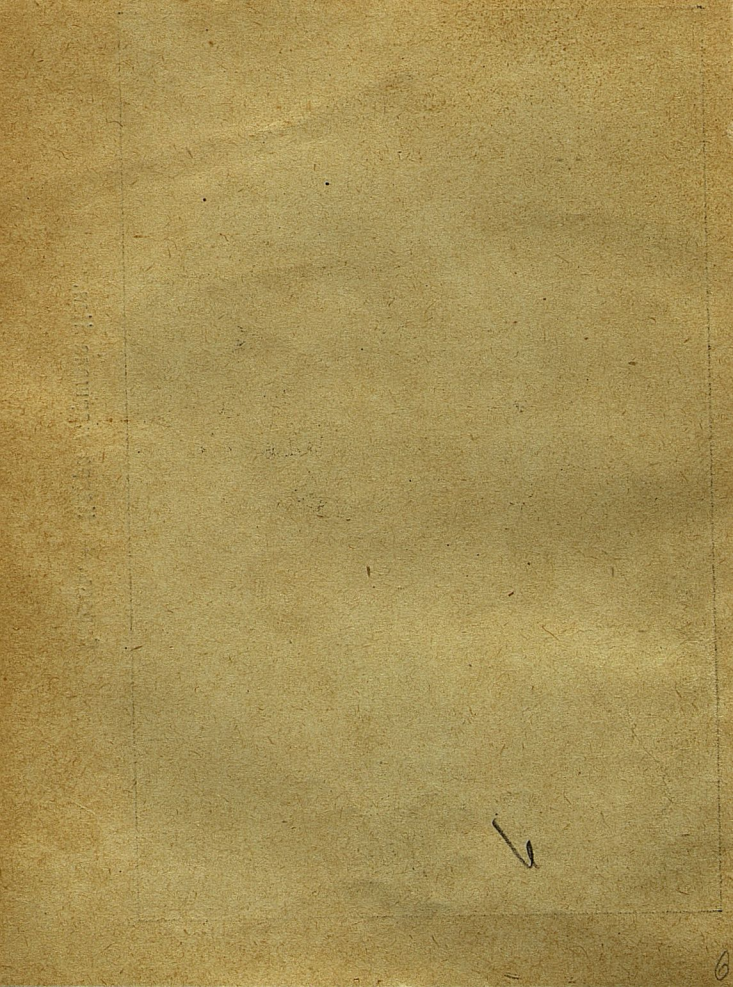

Лвовъ. — Каррэ маршала Нея.

6

2. СВИДАНИЕ МЮРАТА И МИЛОРАДОВИЧА *)

Мюратъ. Знаете-ли вы, генералъ, о тѣхъ насиліяхъ, которыя производятъ Ваши казаки? Они стрѣляютъ въ моихъ людей, выѣзжающихъ для добыванія провизіи; даже ваши крестьяне избиваютъ отсталыхъ гусаровъ въ тѣхъ случаяхъ, когда они могутъ рассчитывать на поддержку казаковъ.

Милорадовичъ. Я радъ слышать отъ Вашего Величества, что мои казаки точно исполняютъ мои приказанія. Я не менѣе радъ и тому, что наши крестьяне оказываются достойными имени русскихъ.

Мюратъ. Это противорѣчитъ правиламъ войны, и если это будетъ такъ продолжаться, я буду принужденъ посылать военные отряды для поддержки своихъ фуражировъ.

Милорадовичъ. Я буду въ восторгѣ, Ваше Величество; мои офицеры жалуются на то,

---

*) У Мюрата и Милордовича за періодъ войны 1812-года было на аванпостахъ три свиданія: 3-го и 4-го сентября, и 1-го октября.

«Сынъ Отечества» и другіе журналы напечатали содержаніе разговора который якобы происходилъ между генералами 1-го октября. Мы его приводимъ цѣликомъ, хотя, какъ это видно будетъ дальше, такого разговора въ дѣйствительности никогда между ними не происходило.

что они уже цѣлыхъ три недѣли находятся въ бездѣйствіи. Имъ бы очень хотѣлось захватить нѣсколько пушекъ и знаменъ.

Мюрать. Но зачѣмъ возстанавливать другъ противъ друга двѣ націи, которыя должны бы уважать другъ друга при всякихъ обстоятельствахъ.

Милорадовичъ. Мои офицеры и я готовы представить Вамъ полное доказательство нашего уваженія; но, Ваше Величество, Ваши фуражиры всегда будутъ захватываться, и я думаю, что отряды, которые Вы будете посылать для ихъ охраны, всё будутъ разбиты.

Мюрать. Генералъ; насъ надо разбивать не на словахъ только. Бросьте взглядъ на карту: вотъ пространство, которымъ мы овладѣли, и вотъ до какихъ поръ мы проникли.

Милорадовичъ. Карлъ XII проникъ еще дальше; онъ дошелъ до Полтавы.

Мюрать. Французская армія все время являлась побѣдительницей.

Милорадовичъ. Мы сражались только у Бородина.

Мюрать. Эта побѣда открыла намъ ворота Москвы.

Милорадовичъ. Извините, Ваше Величество; Москву мы оставили сами.

Мюрать. Какъ бы то ни было, мы хозяйева вашей древней и огромной столицы.

Милорадовичъ. Да, Ваше Величество; и

весь русскій народъ опечаленъ этимъ. Въ частности я все сдѣлалъ, чтобы спасти Москву. Россія принесла вамъ великую жертву; но она уже начинаетъ пожинать плоды ея.

М ю р а т ь. Какъ такъ? Я знаю, что Наполеонъ послалъ Лористона къ главнокомандующему для переговоровъ о мирѣ. Я знаю, что ваши солдаты получаютъ только треть ежедневной порціи и вижу, что Его Величество король Неаполитанскій пріѣхалъ къ генералу Милорадовичу просить за лицъ, добывающихъ провіантъ для его войскъ, и ведетъ переговоры о томъ, чтобы тотъ укротилъ свои войска.

М ю р а т ь (задѣтый за живое). Мое посѣщеніе совершенно случайно; я просто хотѣлъ довести до вашего свѣдѣнія о злоупотребленіяхъ вашихъ войскъ. Отсутствие дисциплины большой недостатокъ; онъ часто приводилъ къ гибели.

М и л о р а д о в и ч ь. Въ такомъ случаѣ вамъ слѣдовало бы, наоборотъ, поддерживать эти злоупотребленія.

Это цѣнный недостатокъ дисциплины, который заставляетъ насъ убивать французскихъ фуражировъ.

М ю р а т ь. Вы очень заблуждаетесь относительно нашего положенія. Москва въ изобиліи снабжена всѣмъ необходимымъ. Мы ожидаемъ большихъ подкрѣпленій, которыя уже въ пути.

М и л о р а д о в и ч ь (смѣясь). Не думаете-ли

вы, что наши подкрѣпленія отъ насъ дальше, чѣмъ ваши отъ васъ?

М ю р а т ь. Генералъ; я взываю къ вашей справедливости еще въ одномъ крайне существенномъ отношеніи: вы дважды стрѣляли въ нашихъ парламентаровъ.

М и л о р а д о в и ч ь. Ваше Величество, мы не желаемъ переговоровъ. Мы желаемъ биться, а не торговаться. Имѣйте это въ виду.

М ю р а т ь. Что? Значить я здѣсь, у васъ, не въ безопасности?

М и л о р а д о в и ч ь. Вы рискуете многимъ, Ваше Величество, если пріѣдете еще разъ. Но сегодня я самъ провожу васъ до вашихъ передовыхъ позицій.

* * *

Настоящій разговоръ, обошедшій въ свое время всю русскую и иностранную печать и даже цитировавшійся въ официальныхъ документахъ, на примѣръ въ донесеніяхъ англійскаго посла, — сплошная мистификація и является плодомъ фантазіи писателя Булгакова.

И Наполеонъ, и Александръ I-й категорически запретили своимъ генераламъ вступать въ какіе бы то ни было переговоры съ непріателемъ. Узнавъ, что Беннигсенъ имѣлъ свиданіе съ Мюратомъ, Александръ довелъ до свѣдѣнія Кутузова, что онъ крайне недоволенъ этимъ и что фельд-маршалъ долженъ строго слѣдить за тѣмъ, чтобы

во что бы то ни стало положить конецъ подобнымъ переговорамъ. Въ свою очередь Наполеонъ, чрезъ посредство Бертье, доводитъ до свѣдѣнія Мюрата, что впредь будетъ подвергать смертной казни каждаго офицера, который вступитъ въ переговоры съ противникомъ, и что французы должны говорить съ русскими только при помощи пушекъ и орудій.

Упомянутый выше Булгаковъ близко стоялъ къ Ростопчину, вмѣстѣ съ которымъ, послѣ пожара Москвы, выѣхалъ во Владиміръ. Онъ часто ходилъ въ Андреевское, къ генералу Воронцову, отъ котораго узнавалъ новости.

Возвратившись однажды отъ Воронцова, гдѣ разговоръ коснулся Милорадовича и Мюрата, причемъ воспроизводились сценки того, какъ должны были бы разговаривать другъ съ другомъ эти два генерала, Булгаковъ написалъ фантастическую сценку и показалъ ее Ростопчину, а послѣдній немедленно же послалъ ее въ «Сынъ Отечества».

Въ 1840-мъ году этотъ мнимый разговоръ былъ воспроизведенъ Капефигомъ въ его трудѣ «Европа во время Консульства и Имперіи Наполеона». Прочитавъ эту книгу, Булгаковъ заявилъ въ «Москвитянинѣ», что авторомъ этого разговора является онъ.

Но еще 1831-мъ году, въ письмѣ къ брату, тотъ же Булгаковъ пишетъ:

«Я за два дня прочелъ всего Загоскина.

Имъ приведенъ разговоръ между Мюратомъ и Милорадовичемъ, который я выдумалъ, когда, послѣ оставленія Москвы въ 1812-мъ, году я гостилъ у графа Воронцова въ его имѣннн Андреевскомъ. Графъ Ростопчинъ послалъ тогда мое сочиненіе въ Петербургъ, и оно было напечатано во всей повременной печати, даже заграничной. Особенно комично то, что самъ Милорадовичъ, въ моемъ присутствіи, обѣдая два года спустя у Ростопчина, на вопросъ Ростопчина, вѣрно-ли переданъ разговоръ, отвѣтилъ:

— Дословно.

Я не смѣлъ поднять глаза на Ростопчина, который сказалъ мнѣ, когда мы остались одни.

— Вотъ какъ пишется исторія!

На самомъ дѣлѣ Милорадовичъ при встрѣчѣ на аванпостахъ просто поздоровался съ Мюратомъ, которому кто-то шепнулъ на ухо:

«Вотъ Мюратъ Россіи». *)

---

*) Въ костюмахъ и внѣшности Мюрата и Милорадовича дѣйствительно было много общаго: Мюратъ носилъ фантастическое одѣяніе; Милорадовичъ ѣздилъ верхомъ на казачей лошади съ нагайкой въ рукѣ и обвязывалъ шею платкомъ яркаго цвѣта, концы котораго развивались по вѣтру. Много было сходства и въ бѣшеннн ихъ отвагѣ.

Ред.

Всѣ печатаемыя нами въ этой книжкѣ дальнѣйшія письма относятся къ періоду отъ 16-го до 28-го октября 1812-го года, т.-е. ко времени, непосредственно слѣдующему за оставленіемъ французами Москвы.

Войска отступаютъ въ порядкѣ; русскіе еще не собрались съ силами, и только отдѣльными отрядами и лицами, какъ напримѣръ генераломъ Винцингероде, попавшимъ при этомъ въ плѣнъ, дѣлаются изрѣдка попытки проникнуть въ Москву или помѣриться силами съ непріателемъ.

Но около Москвы, провѣдавъ объ отступленіи главной арміи, уже «шалятъ» вооруженные крестьяне, и арьергарду французовъ постоянно приходится сталкиваться съ ними. У французовъ — громадный обозъ, нагруженный Московскою добычей. Тутъ же слѣдуютъ экипажи съ вещами генераловъ и офицеровъ... Хотя во французской арміи еще царитъ внѣшній порядокъ, но всѣ генералы уже сообщаютъ въ своихъ письмахъ и донесеніяхъ о крайнемъ истощеніи силъ у лошадей и объ усталости людей. Многія повозки приходится сжигать, такъ какъ запряженные въ нихъ лошади пали.

Генералъ Роге обращаетъ вниманіе Бертъе на то, что солдаты питаются неправильно и цѣлый мѣсяцъ уже не получали мяса, высказывая въ то же время опасеніе, что это

повлечетъ за собой большое количество заболѣваній.

Иногда въ тылу происходятъ стычки съ казаками.

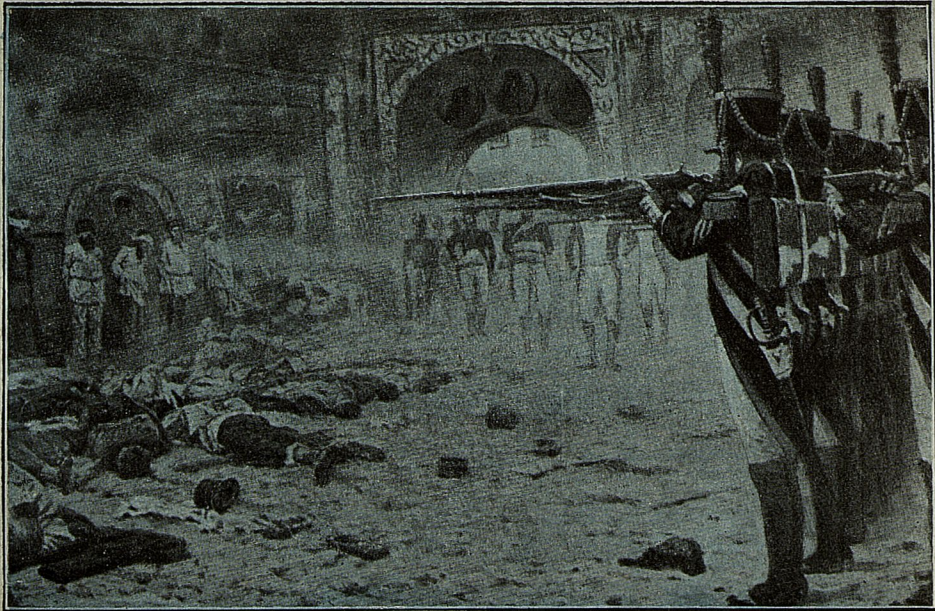
Въ Москвѣ Мортъе беретъ въ плѣнъ Винцингероде, взрываетъ Кремль, растрѣливаетъ производящихъ партизанскія нападенія крестьянъ и отступаетъ съ огромнымъ обозомъ. Вся находящаяся съ нимъ кавалерія идетъ пѣшкомъ, оставшись совершенно безъ лошадей. Она дезорганизована и деморализована и даже, какъ пишетъ Мортъе, побросала сабли. Но все это — только начало.

Еще немного, и русскіе казаки начнутъ по пятамъ слѣдовать за французской арміей, убивая и грабя всякаго отставшаго; суровые морозы и мятели набросятся на изнемогающую армію, и начнется ужасная гибель сотенъ тысячъ людей отъ мороза, голода и жестокости ихъ преслѣдующихъ.

Какъ левъ, совершая чудеса храбрости, будетъ въ тылу французской арміи охранять ее отступление Ней, какимъ-то чудомъ не потерявший жизни и еще на самой границѣ съ нѣсколькими оставшимися у него храбрецами буквально отбивавшийся отъ окружавшаго его непріятеля.

Но пока еще ничто не предвѣщаетъ ужасной гибели. Можно думать, что все такъ же спитъ этотъ край, какъ спалъ онъ, когда Наполеонъ, безъ всякаго сопротивленія, подвигался все даль-

В. П. Верещагинъ. — Поджигатели.

ше и дальше въ глубь страны, не понимая, что означаетъ это суровое безмолвіе, эта глубокая тишина, съ которою его встрѣчали лѣса и равнины. Теперь все такъ же молчитъ этотъ край. Впереди Наполеона глубокая выжженная дорога. Никто не мѣшаетъ ему уходить все дальше и дальше отъ Москвы, отъ той Москвы, которая влекла его къ себѣ съ такою неудержимою силой.

Но уже что-то неладно, что-то надвигается, и это чувствуется въ письмахъ и донесеніяхъ генераловъ.

ПИСЬМО МОРТЬЕ КЪ БЕРТЬЕ.

Москва, 16-го октября (4-го октября) 1812 г.

Имѣю честь довести до свѣдѣнія Вашего Высочества, что добываніе фуража вчера произведено въ полномъ порядкѣ и безъ всякаго препятствія со стороны непріятели.

Отрядъ вернулся въ городъ въ половину десятаго вечера.

При этомъ я прилагаю рапортъ полковника Геннекина, которому было поручено начальство надъ этимъ отрядомъ.

ПИСЬМО БУРМОНТА КЪ БЕРТЬЕ.

Голицыно 21-го октября (9-го октября) 1812 г.

Ваше Высочество! Согласно предписанію, полученному мною отъ Васъ 19-го, я произвелъ

вчера рекогносцировку до Шарапова и ожидаю прибытія эстафетты, *) чтобы послать ее этимъ путемъ подъ охраной 150 человекъ, во главѣ съ адъютантомъ генерала графа де-Лористона, Лонгерю, который находится здѣсь въ его распоряженіи.

Слѣдую полученнымъ мною отъ Вашего Высочества вчера вечеромъ приказаніямъ, я отправилъ сегодня утромъ 100 баварскихъ лошадей въ Кубинское и, если я не получу противоположныхъ приказаній, я завтра переведу сюда войска, которыя останутся въ моемъ распоряженіи въ Голицынѣ.

Прошу Ваше Высочество сообщить, куда я долженъ отправляться, оставляя 24-го Кубинское, какъ это гласить приказъ Императора.

Отряды, посланные вчера въ направленіи къ Звенигороду и на двѣ версты по направленію къ Можайску и Москвѣ, нигдѣ не видѣли неприятели.

Г-нъ Шателъе и нѣсколько курьеровъ, подъ защитой 120-ти человекъ гвардіи, доѣхали до разстоянія 3-хъ верстъ отъ Москвы; тамъ они встрѣтили казаковъ и ретировались къ дворцу Голицына, куда они прибыли вчера вечеромъ, не потерявъ ни одного человека и ни одной повозки; я думаю, что они воспользуются проѣздомъ эстафетты, чтобы имѣть болѣе сильную охрану.

---

*) Почта.

Мнѣ донесли, что около 400 человекъ, конвоировавшихъ плѣнныхъ, около Москвы подверглись нападенію, но тѣмъ не менѣе продолжали свое движеніе; вчера вечеромъ мною посланъ отрядъ легкой кавалеріи въ Яскино, и я не имѣю о немъ извѣстій; въ виду этого я только что отправилъ туда сильный рекогносцировочный отрядъ.

80 повозокъ, слѣдуя изъ Москвы съ сотнею лошадей въ упряжи и батальономъ вестфальцевъ, который былъ за ними посланъ герцогомъ Абрантесскимъ, *) вчера вечеромъ отбылъ отсюда.

Главный адъютантъ

Л. де-Бурмонтъ.

ПИСЬМО МОРТЬЕ КЪ БЕРТЬЕ.

Москва, 21-го октября (9-го октября) 1812 г.

Полковникъ Дешампъ отправилъ сегодня утромъ два отряда по дорогѣ въ Десну.

Я не зналъ, что онъ долженъ былъ войти въ сношеніе съ генераломъ Кольберомъ, такъ какъ Ваше Высочество ничего мнѣ объ этомъ не говорило. Въ башняхъ уже заложенъ порохъ и, какъ я докладывалъ сегодня утромъ, онѣ должны были быть взорваны сегодня въ 10 часовъ вечера. Но я перенесу эти дѣйствія на полночь, 23-го.

*) Генералъ Жюно.

Я распредѣлю дни движенія на Можайскъ согласно Вашему предписанію. Батарея легкой артиллеріи, согласно приказанію генерала Сорбье и согласно рапорту начальника батальона, направлена въ армію.

Мои патрули встрѣтили нѣсколько французскихъ отрядовъ 1-го, 3-го, и 4-го корпуса, и я боюсь, что они останутся въ Москвѣ.

Въ дѣлѣ, которое было у меня съ непріателемъ на дорогѣ въ Петербургъ, я потерялъ двухъ человекъ убитыми. Три офицера ранено. У непріателя въ свою очередь убиты офицеръ, 3 казака и пять лошадей; нѣсколько человекъ у него ранено.

Въ разныхъ кварталахъ города въ плѣнъ взято нѣсколько итальянцевъ, поляковъ и французовъ.

Эвакуація раненныхъ на Можайскъ продолжается безъ замедленія. Вооруженные отряды крестьянъ начинаютъ дѣйствовать; я долженъ былъ разстрѣлять нѣсколько человекъ изъ нихъ.

РАПОРТЪ ГЕНЕРАЛУ ГРАФУ ДЕЛЯБОРДУ, КОМАНДОВАВШЕМУ 1-ой ДИВИЗІЕЙ ИМПЕ- РАТОРСКОЙ ФРАНЦУЗСКОЙ ГВАРДІИ.

Генераль! Имѣю честь довести до Вашего свѣденія, что, охраняя Губернаторскую площадь съ 38 вольтижерами пятого полка, я получилъ извѣстіе о появленіи верхомъ двухъ офицеровъ

и нѣсколькихъ солдатъ. Такъ какъ ихъ форма была мнѣ незнакома, то я лично отправился, чтобы узнать кто, они. На мой окрикъ: — кто идетъ? — я получилъ отъ одного изъ офицеровъ отвѣтъ: «французы». Тогда, взявъ его лошадь подъ узцы, я спросилъ:

— Кто вы?

— Я генераль и пріѣхалъ, чтобы выгнать отсюда крестьянъ.

Я не удовольствовался, конечно, этимъ отвѣтомъ, арестовалъ его, открылъ огонь по его отряду и преслѣдовалъ послѣдній до того момента, когда онъ присоединился къ другому отряду кавалеріи, численностью около 200 человекъ. Этого офицера сопровождалъ адъютантъ, котораго я задержалъ вмѣстѣ съ нимъ. Обоихъ я отправилъ въ Кремль *).

Леле, лейтенантъ 5-го полка вольтижеровъ Императорской гвардіи.

---

*) Взятые французами въ плѣнъ офицеры, о которыхъ говорится въ настоящемъ рапортѣ, были: генераль Винцингероде и его адъютантъ Нарышкинъ.

Ред.

ДВА ПИСЬМА РОГЕ КЪ БЕРТЬЕ.

(ПИСЬМО ПЕРВОЕ).

Десна, 21-го октября, (9-го октября),
въ часъ пополудни.

Ваше Высочество! Имѣю честь довести до свѣденія Вашего Высочества, что генераль Буаельдіе съ 1-мъ полкомъ вольтижеровъ прибылъ. Этотъ генераль былъ на разстояніи двухъ верстъ отъ Москвы и видѣлъ городъ. Онъ оставался тамъ до тѣхъ поръ пока не убѣдился, что больше никого не осталось позади. При своемъ возвращеніи онъ сжегъ нѣсколько повозокъ, лошади которыхъ не въ силахъ больше двигаться.

Я предписалъ генералу Буаельдіе, прошедшему сегодня семь верстъ, отдохнуть въ теченіе часа и присоединиться ко мнѣ въ Деснѣ. При немъ находится конвой 1-го корпуса въ количествѣ 200 человекъ съ начальникомъ батальона во главѣ.

Вслѣдъ за прибытіемъ генерала Буаельдіе, я двинулся къ Деснѣ, гдѣ я засталъ дивизію генерала Морана и генерала Кольбера.

Согласно распоряженію Вашего Высочества я долженъ пропустить мимо себя повозки. Какъ мнѣ передавали, генералы Кольберъ и Моранъ должны образовать аррьергардъ. Въ такомъ случаѣ присутствіе 2-й дивизіи гвардіи является бесполезной.

Я займу позицію на лѣвомъ берегу Десны, куда я покорнѣйше прошу Ваше Высочество направить приказанія.

(письмо второе).

Въ лагерѣ, въ двухъ верстахъ за Горками, 21-го октября (9-го октября 1812 г., въ 8 часовъ вечера.

Ваше Высочество! Слѣдуя приказанію Вашего Высочества я продолжалъ свое движеніе отъ Горокъ на Пласково. Крайняя усталость лошадей вынуждаетъ меня остановиться здѣсь, гдѣ я сейчасъ нахожусь.

Повозки, обремененныя Московскими трофеями, не могутъ двигаться дальше. Я принужденъ былъ остановить ихъ въ Горкахъ, гдѣ я оставилъ батальонъ для ихъ охраны.

Начальникъ батальона получилъ приказаніе тронуться съ ними въ путь ровно въ 4 часа утра. Я поручилъ ему также охрану провіантскаго обоза, фургоны котораго везутъ муку для арміи. Я пошлю къ начальнику батальона офицеровъ, чтобы настоять на выполненіи моего приказанія.

Полкъ, отправившійся съ генераломъ Буаелье по Московской дорогѣ, очень утомленъ. Это заставитъ меня дать ему отдыхъ и начать мое движеніе на Пласково только въ 7 часовъ утра.

Имѣю честь обратить вниманіе Вашего Высочества на то, что дивизія уже въ теченіе мѣсяца не получала мяса, и что образъ жизни, который ведетъ солдатъ, неминуемо повлечетъ за собой большое количество раненныхъ. *)

Никакихъ новыхъ свѣдѣній я не получалъ.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА КОЛЬБЕРА КЪ БЕССИЕРУ.

Фоминское, 23-го октября (11-го октября) 1812 г., 4½ часа пополудни.

Я только что прибылъ, послѣ того какъ медленно и съ большимъ трудомъ въ теченіе восемнадцати часовъ двигался среди десяти тысячъ повозокъ и экипажей.

Отступленіе отъ Десны я началъ вчера въ 8 часовъ, не увидавъ ни одного непріятели... Дорога на Москву была свободна. Я оставилъ позади много лошадей.

Я настигъ людей гвардіи съ обозами; но я не отдалъ имъ никакихъ приказаній, полагая, что они находятся подъ командой начальника батальона Квандала.

Вчера я сжегъ нѣсколько повозокъ.

Въ данную минуту я разставляю пикеты. И люди, и лошади должны немного отдохнуть.

*) Курсивъ нашъ. Ред.

Наполеонъ и его гвардія.

Въ 3 часа утра я двинусь въ путь, чтобы направиться въ Боровскъ.

Я сейчасъ пошлю въ Шарапово, но думаю, что оттуда всё уже выступили. Отсюда до него 20 верстъ, и навѣрно будетъ уже поздно.

ПИСЬМО МОРТЬЕ КЪ БЕРТЬЕ.

Яскино, 23-го октября (11-го октября) 1812 г.

Москва покинута мною этой ночью, Было произведено нѣсколько выстрѣловъ казаками и крестьянами. Мнѣ пришлось забрать съ собою 400 больныхъ. Но я изумляюсь тому множеству повозокъ, принадлежащихъ всёмъ корпусамъ арміи, которые мнѣ приходится везти оъ собою.

Они тормозили движеніе и, казалось, помѣшаютъ переправѣ войскъ черезъ рѣку Москву, хотя я около пятидесяти изъ нихъ велѣлъ бросить въ воду.

Я счелъ необходимымъ назначить взрывъ на время отъ 10 до 11 часовъ вечера.

Въ полночь у меня еще оставались войска на лѣвомъ берегу Москвы рѣки. Поэтому выполнение предписанныхъ мнѣ Его Величествомъ дѣйствій могло завершиться только сегодня въ 2 часа ночи.

Сюда мы прибыли только въ два часа пополудни, хотя начали наше передвиженіе вчера въ шесть часовъ вечера.

Я имѣю всё основанія быть крайне недовольнымъ поведеніемъ двухъ пѣшихъ полковъ кавалеріи во время ихъ пребыванія въ Кремлѣ.

Двадцать разъ можно было ожидать, что они сами взорвутъ дворець, зажигая огни со всѣхъ сторонъ и стрѣляя по голубямъ и воронамъ. Они не перестаютъ ворчать и не исполняютъ приказаній. Сегодня многіе изъ нихъ побросали свои сабли. Они болѣе мѣшаютъ, чѣмъ помогаютъ мнѣ, несмотря на всѣ старанія генерала Шарриера, которому въ этомъ отношеніи надо отдать справедливость.

Для обученія я помѣстилъ въ эти полки двѣнадцать офицеровъ и двѣнадцать унтеръ-офицеровъ.

Сомнѣваюсь, что завтра я буду ночевать въ Кубинскомъ.

Съ сегодняшняго утра меня не преслѣдуютъ. Несомнѣнно, что я оставлю въ пути много повозокъ, совершенно лишнихъ для остатковъ войскъ, которыми я командую. Эти повозки находятся въ большомъ беспорядкѣ, и къ тому же дорога сильно попорчена дождемъ, который не переставая шелъ начиная съ третьяго дня.

Я тщательно охраняю генераль-лейтенанта Винцингероде и его адъютанта, г-на Льва Нарышкина, во всѣхъ отношеніяхъ обращаясь съ ними, какъ этого требуетъ ихъ положеніе военно-плѣнныхъ.

ПИСЬМО ЖЮНО КЪ БЕРТЬЕ.

Можайскъ, 23-го октября (11-го октября) 1812 г.

Ваше Высочество! Я только что получилъ письмо Вашего Высочества изъ Фоминскаго отъ 22-го октября. Мои войска получили приказаніе тронуться въ путь сегодня, и завтра захватить Верю, какъ я это вчера сообщилъ Вашему Высочеству. Но Ваше Высочество уже тамъ, и я отдалъ приказаніе, чтобы эстафетта отправилась черезъ Верю. Я займу Борисовъ: такимъ образомъ сообщеніе между нами будетъ вполнѣ удобно.

Здѣсь у меня нѣтъ ни одной части войска, кромѣ войскъ, принадлежащихъ къ 8-му корпусу, и совершенно нѣтъ конвоя.

У меня ничего нѣтъ кромѣ повозокъ безъ упряжи, которыя повидимому придется уничтожить.

Я потерялъ 50 лошадей, когда отправился за сотнею такихъ же повозокъ въ Голицыно.

Имѣю честь сообщить Вашему Высочеству о положеніи госпиталя:

Мы эвакуировали болѣе 2000 больныхъ. Но сегодня мы больше не въ состояніи что-либо эвакуировать. У насъ не осталось больше ни одной снаряженной повозки и на 10 верстъ кругомъ не найдется ни одной.

Я отдалъ распоряженіе, чтобы войска, обслуживавшіе дорогу въ Москву въ качествѣ эстафеттъ, вернулись. Миѣ это необходимо, такъ какъ

силы мои ничтожны. Мы окружены здѣсь цѣлою тучею крестьянъ, вооруженныхъ казаками и смѣшавшихся съ ними; они ежедневно убиваютъ у насъ по нѣсколько человѣкъ.

Положеніе Можайска самое худшее, какое только можно было занять: никакихъ источниковъ пропитанія.

Городъ расположенъ такъ, что вся провизія, которая могла бы быть доставлена изъ Смоленска, задерживается въ Вязьмѣ и въ Гжатскѣ. Мы испытывали только тяжелыя стороны этого расположенія. Сосѣдніе госпитали нѣсколько разъ наполняли наши, и нѣтъ никакой возможности эвакуировать ихъ безъ посторонней помощи.

Герцогъ Абрантесскій.

Здѣсь не останавливалось ни одной эстафетты. Эстафетта изъ Парижа вчера не прибыла. Какъ только она придетъ, я отправлю ее. Тѣмъ не менѣе я посылаю эстафеттой мои письма и тѣ, которыя имѣются въ канцеляріи.

ПИСЬМО НЕЯ КЪ БЕРТЬЕ.

Боровскъ, 26-го октября (14-го октября) 1812 г. въ 10 часовъ утра.

Ваше Высочество! Имѣю честь донести, что около 200 казаковъ съ двумя французскими пушками изъ общаго числа шести, сегодня утромъ

появились передо мною на высотах лѣваго берега Протвы, за Боровскомъ.

Послѣ обмѣна нѣсколькими выстрѣлами, я велѣлъ 46-му полку и бригадѣ легкой кавалеріи двинуться впередъ, и непріятель немедленно же отступилъ. У насъ раненъ офицеръ и нѣсколько человѣкъ солдатъ.

Во время энергичнаго преслѣдованія непріятеля я увидалъ отрядъ пѣхоты. Это были отсталые изъ всѣхъ корпусовъ арміи, которые соединились, хорошо держались и напали на отступавшаго противника.

Въ данную минуту ко мнѣ прибылъ португальскій офицеръ, передавшій мнѣ прилагаемое при семъ письмо; онъ сообщилъ мнѣ о прибытіи съ Лонгерю, подъ эскортомъ батальона пѣхоты и пятидесяти лошадей, 3-хъ эстафеттъ.

Лонгерю покинулъ Москву 19-го. Я посылалъ за нимъ, чтобы успокоить его и ускорить его движеніе. Онъ провелъ ночь въ лѣсу, на вершинахъ за Фоминскимъ. Новыя распоряженія о расположеніи войскъ, которыя я только что отдалъ, не позволять больше казакамъ приблизиться къ Боровску.

Я постарался привести въ возможный порядокъ повозки главнаго парка; онѣ расположены такъ, чтобы могли примкнуть имъ къ войскамъ, расположеннымъ въ Вереѣ, или къ войскамъ, расположеннымъ въ Малоярославцѣ.

Въ городѣ Боровскѣ пожаръ прекращается и порядокъ возстанавливается.

ДВА ПИСЬМА МОРТЬЕ КЪ БЕРТЬЕ.

(письмо первое).

Верея, 27-го октября, (15-го октября) 1812 г.

Ваше Высочество! Прибывъ сюда вчера вечеромъ, я получилъ сегодня приказъ двинуться на Можайскъ и Вязьму. Я выполню это движеніе. Я прошу Ваше Высочество сообщить мнѣ, куда я долженъ отослать генерала Винцингероде. Въ ожиданіи распоряженій я его буду держать въ своемъ отрядѣ.

Г-нъ Винцингероде прибылъ въ Москву, чтобы отбить Кремль, гдѣ, какъ онъ думалъ, находилось мало войскъ.

Принявъ эвакуацію складовъ 1-го и 4-го корпуса за выступленіе моихъ войскъ, онъ думалъ, что Кремль занятъ только нѣсколькими больными и переутомленными.

Онъ сдѣлалъ распоряженіе, отнять у насъ нашихъ раненныхъ, плѣнныхъ, и хотѣлъ намъ причинить еще много зла. По моему это очень безпокойный человекъ. И я считаю для себя большимъ преимуществомъ, что онъ былъ захваченъ въ качествѣ военноплѣннаго.

Я отдалъ находящимся здѣсь войскамъ приказъ слѣдовать за мной.

Я уже имѣлъ честь довести до свѣдѣнія Ваше Величество, что г-нъ Нарышкинъ, адъютантъ господина Винцингероде, былъ съ нимъ.

(письмо второе).

На бивуакѣ, $\frac{3}{4}$ версты впереди Можайска, 28-го октября (16-го октября) 1812.

Ваше Высочество! Письмомъ, которое я имѣлъ честь получить отъ Васъ вчера утромъ, Вы предписываете мнѣ двинуться на Вязьму, дѣлая настолько большіе переходы, насколько это позволяютъ силы моихъ войскъ. Поэтому я прошелъ мимо Можайска и остановился бивуакомъ три четверти версты за этимъ городомъ, на дорогѣ въ Гжатскъ.

Сегодня, въ три часа утра, я получилъ приказаніе Вашего Высочества занять позицію въ Можайскѣ, чтобы прикрыть дорогу въ Москву. Я немедленно же отослалъ для этой цѣли бригаду генерала Бертезена и полкъ улановъ.

Мой резервъ, багажъ, повозки и обозъ съ ранеными получили приказъ двигаться на Гжатскъ.

Герцогъ Абрантесскій, которому вы приказываете выступить изъ Можайска сегодня вечеромъ, выступаетъ сегодня утромъ.

Герцогъ Эльхингенскій*) подходитъ Ваше Высо-

---

*) Маршалъ Ней.

чество не сообщили мнѣ, долженъ-ли онъ служить мнѣ подкрѣпленіемъ пока я останусь въ Можайскѣ; я просилъ бы немедленно же дать мнѣ знать о намѣреніяхъ Императора въ этомъ отношеніи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Императоръ Александръ I и пожаръ Москвы. (Письмо полковника Мишо Михайловскому-Данилевскому)	3
Свиданіе Мюрата и Милорадовича	9
Письмо Мортье къ Бертье	17
Письмо Бурмонта къ Бертье	17
Письмо Мортье къ Бертье	19
Рапортъ генералу графу Деляборду, командовавшему 1-ой дивизіей Императорской французской гвардіи.	20
Два письма Роге къ Бертье	22
Письмо генерала Кольбера къ Бессіеру	24
Письмо Мортье къ Бертье	25
Письмо Жюно къ Бертье	27
Письмо Нея къ Бертье	28
Два письма Мортье къ Бертье.	30

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
НА 1912 ГОДЪ НА

СИНИЙ ЖУРНАЛЪ

ОТДѢЛЫ „СИНЯГО ЖУРНАЛА“: Беллетристика. Иностранная литература. Кунсткамера. Пѣна жизни. Иностранная корреспонденція. Конкурсы. Спортъ. Книжная полка. Иностранный юморъ и анекдоты. Театръ. Воздухоплаваніе. Здѣсь и тамъ. Фотографія Оригинальные рисунки извѣстныхъ художниковъ. „СИНИЙ ЖУРНАЛЪ“, несмотря на скромную подписную плату, благодаря широкому распространенію, БЕЗПЛАТНО предоставляетъ въ 1912 году всѣмъ своимъ годовымъ подписчикамъ ДВѢ ОТДѢЛЬНЫХЪ ПРЕМИИ

1) САМАЯ СТРАШНАЯ КНИГА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ — 2 ТОМА.

Въ этой книгѣ будетъ помѣщенъ одинъ изъ самыхъ потрясающихъ романовъ, какіе когда либо появлялись въ западной литературѣ. Оба тома будутъ иллюстрированы лучшими русскими художниками. 2) „ПОЭЗИЯ ДВОРЦОВЪ“. Сборникъ стихотвореній царей, королей, князей и герцоговъ всѣхъ временъ. Обѣ книги будутъ сопровождены пояснительными предисловіями извѣстныхъ писателей и ученыхъ.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: 1 годъ 2 р. 50 к. на полъ года 1 руб. 25 коп., на 3 мѣс.—65 к., на 1 мѣс. 25 коп. Безъ доставки: на 1 годъ 2 р., на 6 мѣс. 1 р., на 3 мѣс. 50 к. Допускается разсрочка: при подпискѣ 1 р., къ 1-му мая 75 к. и къ 1-му октября 75 к.

Адресъ Гл. Конторы: С.-Петербургъ, Фонтанка,, 80. Тел. 514-97.

Редакціи: Литейный, 57. Тел. 171-81.

Редакторъ-Издатель М. Г. КОРНФЕЛЬДЪ.

ОТКРЫТЬ ПРИЕМЪ ОБЪЯВЛЕНІЙ НА „БИБЛИОТЕКУ 12-го ГОДА.“

ОБЪЯВЛЕНІЯ ПРИНИМАЮТСЯ: 1. при собственной типографіи, Москва, Зацѣпа, Б. Строченовскій, 5.

Телефонъ № 327-88 и

2. у представит. В. А. КОЛОДНЫЙ Солянка, 8 кв. 49.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ОСТРОВЪ“

МОСКВА, ЗАЦѢПА, Б. СТРОЧЕНОВСКІЙ 5. — Телеф. 327-88.

„БИБЛИОТЕКА 12-го ГОДА.“

Вышли изъ печати и поступили въ продажу:

- Вып. 1. НАПОЛЕОНЪ (Разсказы изъ жизни Наполеона).
- „ 2. НАПОЛЕОНЪ (Разсказы изъ жизни Наполеона).
- „ 3. 1812-й ГОДЪ ВЪ ПИСЬМАХЪ СОВРЕМЕННОКОВЪ.
- „ 4. ОТСТУПЛЕНІЕ ИЗЪ МОСКВЫ.

Готовятся къ печати:

- Вып. 5. ПОДЪ СМОЛЕНСКОМЪ.
- „ 6. АЛЕКСАНДРЪ I. (Разсказы изъ жизни Александра I.)
- „ 7. АЛЕКСАНДРЪ I. (Разсказы изъ жизни Александра I.)
- „ 8. ЛЕГЕНДЫ О НАПОЛЕОНѢ.

Каждый выпускъ обильно иллюстрированъ изящными рисунками на мѣловой бумагѣ и имѣетъ обложку особаго цвѣта.

Цѣна cadaго выпуска 6 коп. На станціяхъ жел. дор. 8 коп.

Выписывающіе изъ склада (Москва, Зацѣпа, Б. Строченовскій, домъ № 5 при собственной типографіи), на сумму не меньше одного рубля за пересылку не платятъ.

Продажа вышедшихъ выпусковъ производится во всѣхъ книжныхъ магазинахъ, въ кіоскахъ и на ст. жел. дорогъ.

Цѣна 6 коп.

У 22 558
СМОЛЕНСКЪ. КАРРЭ НЕЯ.

Наша

БИБЛІОТСКЪ

12го

ГОДА

ВЫПУСКЪ ПЯТЫЙ.

Т-ВО ПАРФЮМЕРНОЙ ФАБРИКИ

П. ЧЕПЕЛЕВЕЦКІЙ С-МИ МОСКВА

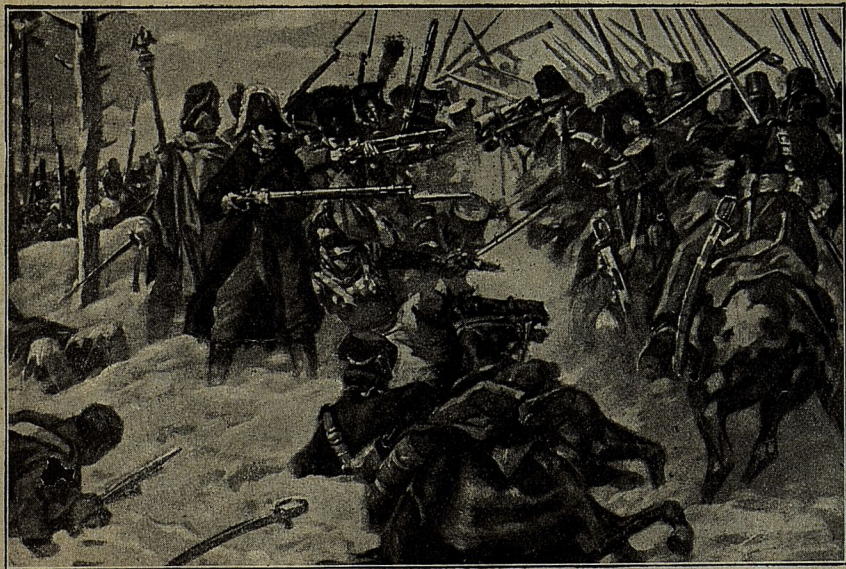
РЕКОМЕНДУЕТЪ ОДЕКОЛОНЪ и ДУХИ „АДОРАБЛЬ“

V 22

558

Ф. Нейманъ. — Битва подъ Краснымъ въ 1812 году.

БИБЛІОТЕКА ДВѢНАДЦАТАГО ГОДА.

СМОЛЕНСКЪ.

ОТЪ СМОЛЕНСКА ДО ОРШИ.

КАРРЭ МАРШАЛА НЕЯ.

(РАЗСКАЗЪ де-БРИКВИЛЯ).

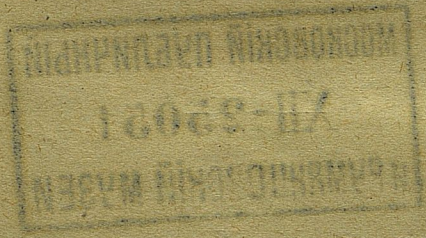
Подъ редакціей А. Ф. СТРУВЕ.

МОСКВА.

ИЗДАНИЕ КНИГО-ИЗДАТЕЛЬСТВА „ОСТРОВЪ“.

С. ДИДОВИЧЪ. 1912. ЛИСТЫ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100.

ТИПОГРАФІЯ В. Л. БАНЬЯНИНЪ И КОМП.
МОСКВА, ЗАЦѢПА Б. СТРОЧЕНОВСКІЙ 5.

ПИСЬМО БИЛЛИОТИ КЪ ЖЕНѢ.

Вязьма, 1-го ноября (19-го октября 1812 г.

Нѣсколько дней тому назадъ, ночью, поспѣшно направляясь въ Калугу, мы выступили изъ Москвы.

Сдѣлавъ около 30-ти верстѣ, причемъ все время насъ беспокоили казаки, и послѣ небольшой стычки съ ними подъ предводительствомъ Неаполитанскаго короля, при чемъ эта стычка была далеко не такъ удачна, какъ это можно было бы ожидать, армія форсированнымъ маршемъ двинулась дальше по направленію къ Можайску, не прерывая пути ни днемъ, ни ночью. И вотъ теперь мы находимся въ Вязьмѣ, недалеко отъ Смоленска, куда мы надѣемся направиться черезъ нѣсколько дней.

Мы испытываемъ тѣ же бѣдствія, которыя испытывали при нашемъ движеніи на Москву, именно голодъ и утомленіе, причемъ къ этому присоединяется еще довольно большой морозъ, хотя погода стоитъ ясная. Вызываетъ опасеніе

присутствіе непріятельскихъ мародеровъ или, какъ ихъ называютъ, партизановъ. Тѣ, у кого нѣтъ достаточно хорошихъ лошадей, чтобы слѣдовать за арміей, обречены на потерю своихъ вещей. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей потеряли весь свой багажъ, а ихъ повозки были сожжены ими же самими, или же уничтожены арьергардомъ.

Наше отступленіе совершенно не похоже на отступленіе побѣдителей. Такъ какъ средствъ для передвиженія больныхъ не хватаетъ, приходится везти ихъ на повозкахъ, принадлежащихъ отдѣльнымъ лицамъ. Что касается меня, то въ своей повозкѣ я везу солдата, больного лихорадкой.

Въ концѣ концовъ мы не беспокоимся, такъ какъ Императоръ чувствуетъ себя превосходно. Въ виду того, что онъ самъ управляетъ всѣми движеніями арміи, ея отступленіе несомнѣнно приведетъ именно къ той цѣли, которую его обычная осторожность и его глубокія соображенія намѣтили заранѣе.

Всѣ довольны и полны довѣрія, и никто не жалуется на недостатокъ всего. *)

* * *

Письмо Билліоти очень характерно. Въ первой части его Билліоти сжато, но ярко изображаетъ картину того положенія, въ которомъ

---

*) Курсивъ нашъ.

находится отступающая отъ Москвы армія Наполеона: поспѣшность, съ которой она отступаетъ, изнуряетъ ее; повозокъ нѣтъ; партизаны, которыхъ Билліоти называетъ «мародерами», видимо сильно тревожатъ.

Наступили морозы; весь багажъ потерянь или уничтоженъ, чтобы онъ не попалъ въ руки «мародеровъ»; стычка французовъ съ казаками оказывается далеко не изъ удачныхъ, а видъ у арміи совсѣмъ не побѣдоносный.

Билліоти видимо встревоженъ, и на сердцѣ у него неспокойно... Его, и уже не его одного, волнуетъ вопросъ: «что-же будетъ дальше?»

И вдругъ въ концѣ письма совершенно противорѣчація только что описанной картинѣ слова объ общемъ довольствіи, и рядъ комплиментовъ по адресу французскаго императора.

Оказывается, что никто не беспокоится, потому что императоръ чувствуетъ себя превосходно и самъ управляетъ отступленіемъ арміи.

«Кто оправдывается, тотъ себя обвиняетъ»,— говорятъ французы.

Билліоти знаетъ, что не одна его жена будетъ читать письмо: въ арміи зорко слѣдятъ за перепиской офицеровъ и солдатъ.

И вотъ, «страха ради іудейска», описавъ дѣйствительную картину отступления, Билліоти начинаетъ «оправдываться», и для того посторонняго глаза, который можетъ заглянуть въ его письмо, пишетъ слова, доказывающія его пол-

ную благонадежность, его преданность и довѣріе къ императору.

«Императоръ чувствуетъ себя превосходно».

Эта фраза невольно напоминаетъ послѣднія слова послѣдняго бюллетеня Наполеона, опубликованнаго въ Парижѣ въ ноябрѣ 1812-го года, въ которомъ онъ увѣдомлялъ народъ о гибели въ Россіи французской арміи.

Этотъ 29-ый бюллетень, послѣ описанія того, какъ «лошади кавалеріи, артиллеріи и обоза падали тысячами», и какъ только тѣ, «кого природа создала болѣе совершенными, сохранили свою обычную бодрость духа и энергію, и въ новыхъ опасностяхъ видѣли лишь поводъ къ новой славѣ», заканчивался словами:

«Состояніе здоровья Его Величества лучше, чѣмъ когда либо».

Все неважно, разъ живъ и здоровъ императоръ.

И за два мѣсяца до опубликованія этого бюллетеня, какъ бы предвосхищая его въ минуту, когда гибель арміи еще не стала дѣйствительностью, но уже волнуютъ опасенія за ея судьбу, одинъ изъ офицеровъ арміи почти тѣми же словами высказываетъ ту же мысль, и высказываетъ ее для того, чтобы тѣ, которые прочтутъ его письмо, не могли подумать и донести начальству, что «состояніе здоровья императора» для него не-важнѣе всего.

Чего было бояться Билліоти? Что бы сдѣлали

ему, еслибы это подумали? Ровно ничего. Но незадолго передъ тѣмъ, въ октябрѣ, ярый республиканецъ генераль Мале сдѣлалъ въ Парижѣ попытку поднять возстаніе, убѣдивъ народъ въ смерти Наполеона и въ томъ, что Сенатъ пре-возгласилъ республику.

Попытка была совершенно нелѣпая; Мале, успѣвшій арестовать герцога де-Ровиго и пре-фекта полиціи и застрѣлившій коменданта Па-рижа, былъ немедленно же схваченъ и съ один-надцатью другими лицами, повидимому совершенно невинными, казненъ.

Въ арміи Наполеона должны были знать объ этомъ происшествіи. И вотъ разгадка крайней осторожности Билліоти.

Мале былъ недоволенъ и хотѣлъ поднять возстаніе. Пусть же знаютъ, что онъ, Билліоти, о возстаніи не помышляетъ. Онъ дово-ленъ, доволенъ и доволенъ, что бы ни случи-лось и въ какомъ бы положеніи онъ ни нахо-дился; онъ доволенъ уже по тому одному, что «императоръ чувствуетъ себя превосходно».

ПИСЬМО МОНФОРА КЪ де-КО.

Смоленскъ, 10-го ноября (29-го октября) 1812 г.

Вотъ мы и въ Смоленскѣ, мой дорогой де-Ко, послѣ двадцатидневнаго, непрерывнаго перехода. Мы всё страшно устали. Особенно истощены

лошади. Уже четыре дня, какъ земля покрыта снѣгомъ настолько, что нѣтъ почти возможности двигаться дальше.

Въ нашемъ паркѣ были принуждены съечь нѣсколько повозокъ. Я боюсь, что если, какъ этого ожидаютъ, мы пойдемъ до самой Вильны, мы не довеземъ туда ни одной повозки, и что въ паркѣ нашемъ окажутся только тѣ повозки, которыя мы были принуждены оставить въ Вильнѣ при первомъ нашемъ прохожденіи черезъ этотъ городъ. Въ концѣ концовъ обозъ по крайней мѣрѣ исполнилъ свое назначеніе, и если его и придется возстановливать цѣликомъ, то въ этомъ его постигнетъ та же участь, какъ и многіе другіе парки, потому что я не думаю, чтобы артиллерія находилась въ лучшемъ положеніи, чѣмъ мы.

Почти вся кавалерія отстываетъ пѣшкомъ: въ каждомъ полку не болѣе ста человекъ на лошадяхъ.

Смоленскъ снабдилъ насъ нѣкоторымъ количествомъ питательныхъ средствъ. Но вы поймете, что ихъ не могло хватить надолго для такой изнуренной арміи, какъ наша. Я думаю также, что мы здѣсь пробудемъ недолго.

Я предполагаю, что главная квартира будетъ перенесена въ Вильну, и что войска разсыются по Литвѣ. Русскіе вѣроятно утомлены и изнурены не менѣе насъ: это позволить намъ нѣсколько шире растянуть наши зимнія квартиры,

Верещагинъ. — Отступленіе.

что необходимо для того чтобы имѣть возможность существовать.

Я могу Васъ увѣрить, мой дорогой де-Ко, что эта война была необычайно сурова; всѣ, кто были въ Испаніи, увѣряютъ, что по сравненіи съ настоящей войной, путь тамъ былъ усыпанъ розами.

ПИСЬМО ДЮРОКА КЪ МОНТЕСКІУ.

Вы видите, что всѣ наши приготовления къ тому, чтобы провести зиму въ Москвѣ, и что всѣ наши надежды на полученіе удовольствій и на представленія разсѣялись. Но повидимому не окончательно, такъ какъ мы веземъ съ собою комическую труппу, и если она не останется гдѣ нибудь на дорогѣ, мы можемъ доставить себѣ удовольствіе видѣть исполненіе комедій тамъ, гдѣ мы расположимся на зимнія квартиры. Мы совершенно не знаемъ, гдѣ это окажется возможнымъ. Это зависитъ отъ обстоятельствъ и отъ движенія непріятели. Смоленскъ сохранился не лучше Москвы. Онъ сожженъ приблизительно настолько же, какъ была сожжена столица.

* * *

Еще во время наступленія арміи на Москву, въ Витебскѣ, когда военный совѣтъ высказался за то, что наступать больше нельзя, а Наполеонъ согласился съ нимъ сказавъ: «я не по-

вторю ошибки Карла XII», онъ тутъ же сталъ заботиться о томъ, чтобы пребываніе на зимнихъ квартирахъ было обставлено какъ можно комфортабельнѣе. Тогда были выпи-саны актеры изъ Парижа, и актрисы изъ Вар-шавы и Вильны. Какъ мы видимъ изъ письма Дюрока, одного изъ главнѣйшихъ сподвижниковъ Наполеона, даже теперь, при отступленіи, коми-ческая труппа сопровождаетъ армію, раздѣляя всѣ ея опасности. У Дюрока вырывается фраза: «если она не останется гдѣ-нибудь на дорогѣ, мы можемъ доставить себѣ удовольствіе видѣть исполненіе комедій».

Какъ видно изъ этого письма, а также изъ вышеприведеннаго письма Монфора къ де-Ко, генералы и армія надѣялись, что они остано-вятся гдѣ-нибудь за Смоленскомъ на зимовку... Въ Смоленскѣ было достаточно провіанта, чтобы изнемогавшая армія могла подкрѣпиться. Но На-полеонъ вмѣсто быстрого дальнѣйшаго отступ-ленія остался здѣсь дольше, чѣмъ было нужно, и этимъ увеличилъ опасность своей переправы черезъ Березину, такъ какъ русскія войска имѣли время нагнать французскую армію.

Весьма возможно, что и въ головѣ Наполеона таилась та же мысль и та же надежда, которую высказываетъ въ своемъ письмѣ Монфоръ, именно: что и русскіе не менѣе утомлены, чѣмъ фран-цузы.

Расчетъ во всякомъ случаѣ оказался невѣр-

нымъ: каждый часъ, который тратилъ Наполеонъ на отдыхъ своей арміи, давалъ возможность русскимъ войскамъ, пополненнымъ свѣжими подкрѣпленіями, приблизиться къ французской арміи, отъ самой Москвы отступавшей съ такою изнурявшей ее поспѣшностью...

Французскіе лошади, такъ же какъ и люди, не въ состояніи были выносить болѣе 15-ти градусовъ мороза, тогда какъ русскія выносили его свободно.

Все это увеличивало для французской арміи опасность, и только такія ни на чемъ не основанныя предположенія Монфора, какъ то, что и русскіе устали не менѣе французовъ, и игнорированіе того, что русскіе находились «у себя», могли усыплять бдительность и создавать несбыточные надежды на то, что окажется возможнымъ стать на зимнія квартиры и даже наслаждаться представленіемъ комедій.

ПИСЬМО ГРАФА Д'ОДЕНАРА КЪ ГОСПОЖЬ де-ФРЕСНЕЛЬ.

Вчера я видѣлъ Ля Вьевилль, который прибылъ сюда, и положеніе котораго очень печально. У него украли лошадей. Въ теченіе двухъ дней, безъ какой-либо пищи, онъ сдѣлалъ пѣшкомъ цѣлыхъ семьдесятъ верстъ.

Надо Вамъ сказать, что въ арміи нѣтъ больше кавалеріи; тѣ немногія лошади, которыя

еще остались, гибнуть отъ голода и холода, и прежде чѣмъ онѣ околѣютъ, ихъ уже дѣлать между собою.

Если такъ будетъ продолжаться, то черезъ самое короткое время лошади останутся развѣ только у императора, такъ какъ его лошади обыкновенно, да и то только настолько, насколько это возможно, внѣ опасности.

ПИСЬМО БЮШЪ КЪ ЖЕНѢ.

Смоленскъ.

Дорогой другъ. Я все потерялъ: экипажъ, лошадей, вещи, людей. У меня осталась только лошадь, на которой я сидѣлъ, и то, что было на мнѣ.

Вѣроятно же всего, что мой экипажъ попалъ въ руки непріятеля, если только, оставшись безъ присмотра, онъ не былъ разграбленъ арьергардомъ. Большинство моихъ товарищей болѣе или менѣе растеряли свое имущество. Я уже потерялъ все, буквально все, даже сто эку серебромъ, которыя были въ коляскѣ.

ОТЪ СМОЛЕНСКА ДО ОРШИ. КАРРЭ МАРШАЛА НЕЯ. (РАЗСКАЗЪ де-БРИКВИЛЯ).

Наполеонъ уѣхалъ изъ Смоленска 14-го октября, въ 9 часовъ утра, оставивъ въ городѣ вице-короля и маршала Даву, въ то время какъ

маршалъ Ней съ 3-мъ корпусомъ защищалъ [от-
ступленіе на правый берегъ Днѣпра.

Вице-король уѣхалъ 15-го, около двухъ ча-
совъ, какъ разъ въ ту минуту, когда третій
корпусъ вступалъ въ городъ.

Маршаламъ Даву и Нею было поручено по
мѣрѣ силъ очистить госпитали и распредѣлить
въ своихъ дивизіяхъ значительное количество
провіантскихъ запасовъ и разнаго рода принад-
лежностей, которыя до сихъ поръ оставались
нетронутыми.

Между обоими маршалами возникла по этому
поводу большая ссора. Даву, кромѣ части про-
віанта, предназначавшейся для его армейскаго
корпуса, захватилъ и все остальное, что было
въ складахъ. Въ это время прибылъ Ней, войска
котораго были совершенно истощены. Это по-
влекло за собою ссору, которая зашла очень
далеко, вліяла на поведеніе одного въ отношеніи
къ другому и совершенно парализовала дѣятель-
ность арміи.

Въ Смоленскѣ было оставлено двѣсти пушекъ,
триста наполненныхъ снарядами ящиковъ и мно-
жество пороха, хранившихся въ складахъ. Гене-
раламъ Ларибуазіеръ и Шасселупъ было поручено
привести орудія въ негодное состояніе, сложить
всѣ ящики вдоль стѣнъ крѣпости и высыпать
весь порохъ въ мины, которыя были подведены
подъ толстыя стѣны, окружающія Смоленскъ,
чтобы разрушить ихъ насколько возможно.

14-ое, 15-ое и 16-ое ушло на эти работы.

Съ утра 16-го городъ въ значительной своей части былъ преданъ огню. Стоялъ сильный морозъ. Вскорѣ улицы были усыпаны трупами больныхъ и раненныхъ солдатъ, которыхъ пожаръ выгналъ изъ госпиталей, и которые гибли отъ холода и голода.

Благодаря громадному количеству отсталыхъ и безсильныхъ, которые смѣшивались съ рядами дивизій, воцарился ужасающій беспорядокъ. Маршалъ Даву, слѣдуя полученному имъ приказу, выступилъ въ полдень 16-го, уводя съ собою свой армейскій корпусъ и дивизію изъ корпуса маршала Нея. Онъ долженъ былъ, не останавливаясь, дойти съ своими дивизіями до Краснаго, забирая съ собой по дорогѣ всё войска, чтобы поддерживать сообщеніе съ маршаломъ Неемъ и служить подкрѣпленіемъ при отступленіи послѣдняго.

Маршалъ Ней долженъ былъ выступить въ тотъ же день въ 12 часовъ ночи послѣ того, какъ онъ подожжетъ весь городъ и зажжетъ всё мины. Я остался съ нимъ.

Въ полночь мы выступили изъ Смоленска. Часъ спустя всё мины, одна за другой, и всё снаряды взорвались. Трудно увидать болѣе ужасную и въ то же время болѣе величественную картину.

Взрывы быстро слѣдовали одинъ за другимъ; ихъ дѣйствіе было настолько сильно, что земля

подъ нашими ногами дрожала; громадныя столбы пламени поднимались до самыхъ облаковъ; казалось, что весь горизонтъ пылалъ. Скоро этотъ шумъ и трескъ смѣнились глубокою тишиною, и только снѣгъ смягчалъ окружающую насъ глубокую тьму.

Мы шли всю ночь, думая о разрушеніи, свидѣтелями котораго мы были.

17-го, рано утромъ, я простился съ маршаломъ, чтобы отправиться въ главный штабъ. Едва я успѣлъ сдѣлать около версты, какъ я увидалъ казаковъ, стрѣлявшихъ въ отдѣлявшихся отъ арміи одинокихъ людей. Меня также стали преслѣдовать, и я едва успѣлъ снова присоединиться къ маршалу.

Чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ больше увеличивалось число казаковъ.

Они приблизились къ нашему лѣвому флангу. Съ этой минуты маршалъ отдалъ приказъ слѣдовать сомкнутымъ строемъ и сообщилъ объ этомъ флангамъ при помощи легкой кавалеріи.

Такъ мы шли весь день, не встрѣчая ни одной дивизіи изъ тѣхъ, которую мы должны были встрѣтить.

Большое количество мертвыхъ людей, брошенной артиллеріи и багажа заставили насъ предположить что части, которыя должны были насъ поддержать, подверглись нападенію со стороны такихъ силъ противника, противъ которыхъ они не могли устоять.

Ночью мы остановились въ деревнѣ Корытной.

На другой день, 18-го ноября, мы стали продолжать нашъ путь, тревожимые отрядами казаковъ, открьвшихъ по насъ огонь изъ пушекъ. Вскорѣ мы очутились на разстояніи двухъ верстъ отъ Краснаго, недалеко отъ большой равнины, края которой были достаточно возвышены для того, чтобы мы могли видѣть часть того пути, пройти который намъ еще оставалось.

Тутъ мы увидали многочисленныя колонны пѣхоты и кавалеріи, приближавшіяся съ лѣвой стороны.

Тогда у насъ не осталось сомнѣнія въ томъ, что маршалъ Даву подвергся сильной атакѣ и былъ принужденъ стянуть свои силы, и что всякое сообщеніе съ остальною арміею для насъ окончательно прервано. У насъ оставалась единственная надежда на попытку силою проложить себѣ путь.

У маршала было только три дивизіи, силы которыхъ не превышали шести тысячъ способныхъ къ бою людей и приблизительно столько же больныхъ и отсталыхъ, безъ оружія, которые тормозили всѣ наши движенія.

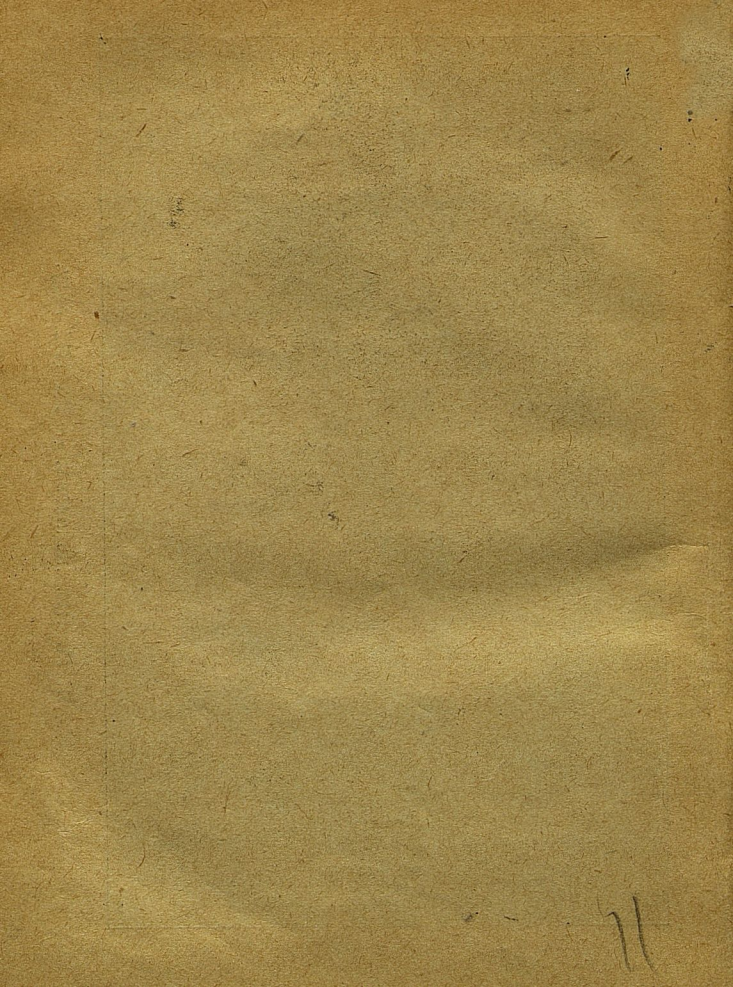
Кромѣ того у него было нѣсколько отрядовъ легкой кавалеріи и 12 или 15 пушекъ.

Приказъ былъ отданъ; двѣ дивизіи двинулись черезъ равнину частью по льду, частью черезъ маленькій деревянный мостикъ, который едва въ состояніи былъ выдержать переправу

И. М. Прянишниковъ. — Въ 1812 году.

артиллеріи. Третья дивизія осталась для того, чтобы охранять еще приближавшіяся колонны съ лѣваго фланга, въ то время какъ мы двинулись на непріятеля.

Едва достигли мы равнины, какъ на насъ былъ направленъ огонь изъ пятидесяти ожидавшихъ насъ орудій.

Несмотря на жестокой огонь движеніе нашихъ войскъ было такъ порывисто, что три первыхъ ряда противника были смяты. Но въ то же время мы очутились среди такой сильной арміи, что соедини непріатель свои два крыла, мы были бы окружены со всѣхъ сторонъ...

Испуганные солдаты, потерявшіе почти половину своихъ, круто повернулись, пробились черезъ непріательскіе ряды и бросились въ равнину, преслѣдуемые громаднымъ количествомъ легкой кавалеріи, слѣдовавшей за ними по пятамъ.

Маршалъ былъ посреди ихъ; онъ достигъ противоположнаго края равнины и соединилъ бѣглецовъ съ третьей дивизіей.

Нашимъ спасеніемъ мы были обязаны перъшительности русскихъ, которые, ошеломленные смѣлостью и натискомъ нашей атаки, не рѣшались преслѣдовать насъ за предѣлы равнины.

Въ этой стычкѣ я самъ былъ контуженъ осколкомъ снаряда, убившаго мою лошадь.

Очутившись подъ ногами непріательской кавалеріи, я былъ настолько счастливъ, что успѣлъ

добраться до равнины и броситься туда; ползкомъ, по льду, я добрался до маршала.

Меньше боясь умереть, чѣмъ попасть къ русскимъ въ плѣнъ, я былъ однимъ изъ тѣхъ, которые предлагали маршалу произвести новую атаку.

Мы думали, что маршалъ Даву, который долженъ былъ быть въ Красномъ, услыхавъ пушечную пальбу и узнавъ о нашемъ приближеніи, не можетъ не притти къ намъ на помощь.

Но происшедшая между обоими маршалами въ Смоленскѣ ссора, заставила маршала Нея отказаться отъ этой мысли. Онъ думалъ, что ему нечего ожидать съ этой стороны.

Во время стычки онъ оцѣнилъ силы непріятеля въ сто тысячъ человѣкъ. Онъ рѣшилъ, что новая атака не можетъ удасться и несомнѣнно погубила бы насъ.

Съ этой минуты онъ сталъ думать о томъ, какъ бы переброситься на противоположный берегъ Днѣпра, находившійся отъ насъ справа на разстояніи не болѣе двухъ верстъ.

Онъ велѣлъ снова направляться на Смоленскъ. Это мнимое отступленіе продолжалось на протяженіи не болѣе версты. Мы остановились справа отъ большой дороги, въ деревнѣ Данниковой. Во время нашего отступленія, русскій майоръ, посланный генераломъ Милорадовичемъ, явился къ маршалу съ предложеніемъ сдаться. Два другихъ предложенія, сдѣланныя въ деревнѣ тѣмъ же офице-

ромъ, увѣнчались не большимъ успѣхомъ, чѣмъ первое. Между тѣмъ офицеръ утверждалъ, что всѣ корпуса арміи, которые должны были идти впереди маршала, уничтожены; что корпуса маршала Даву больше не существуетъ; что всецѣло предоставленный собственнымъ силамъ, отрѣзанный отъ своей арміи главною русскою арміей, которую маршалъ видитъ передъ собой, онъ не можетъ рассчитывать на какую-либо успѣшную защиту.

Маршалъ замѣтилъ, что этотъ офицеръ, исполняя возложенное на него порученіе, въ большей мѣрѣ чѣмъ это слѣдовало бы парламентару, изслѣдовалъ позицію и состояніе 3-го корпуса.

Онъ замѣтилъ, что каждый разъ, когда офицеръ удалялся, чтобы передать отвѣтъ маршала, онъ вслѣдъ за тѣмъ слишкомъ быстро возвращаясь назадъ. Наконецъ нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ русскихъ какъ разъ въ то время, когда офицеръ явился въ третій разъ, заставили маршала не смотрѣть на него больше, какъ на парламентарера.

Онъ отдалъ приказъ арестовать офицера.

Офицеру завязали глаза и два человѣка получили приказъ сторожить его, не отходя ни на шагъ.

Запросто бесѣдуя на бивуакѣ съ нѣкоторыми изъ офицеровъ, маршалъ не скрылъ отъ нихъ, что позиція 3-го корпуса давала бы простому генералу полное право сдаться на капитуляцію;

но такъ какъ онъ — маршалъ, то онъ былъ бы трофеемъ для русскихъ; что онъ рѣшился скорѣе защищаться до послѣдней крайности, чѣмъ отдаться имъ въ руки живымъ.

Съ этой минуты онъ не разставался больше съ своими пистолетами.

Стало смеркаться; зажгли большіе огни вокругъ деревни, какъ будто собираясь расположиться здѣсь бивуакомъ.

Русскіе, несомнѣнно смотрѣвшіе на насъ, какъ на вѣрную добычу, поступили такъ же. Это было именно то, чего хотѣлъ маршалъ. Какъ только наступила ночь и стало тихо, онъ отдалъ приказъ отступать, не нарушая тишины и оставивъ костры зажженными.

Онъ велѣлъ провести себя черезъ большой лѣсъ къ Диѣпру, недалеко отъ деревни Кохановой. Туда мы прибыли въ 10 часовъ вечера. Былъ отданъ приказъ немедленно же убѣдиться въ томъ, замерзла-ли рѣка или нѣтъ. Маршалу донесли, что въ этомъ мѣстѣ глубина рѣки достигаетъ 15-ти футовъ и что броду нѣтъ; высказывали предположеніе, что ледъ, хотя и тонкій, можетъ послужить для переправы, но что надо принять большія предосторожности: у береговъ льду нѣтъ, а противоположный берегъ крайне крутъ.

Маршалу пришлось на дѣлѣ убѣдиться въ правильности этихъ малютѣшительныхъ свѣдѣній: въ это время солдаты, подойдя къ берегу рѣки, уже

стали на ледъ въ слишкомъ большомъ количествѣ и продавили его.

Нѣсколькимъ человекамъ, рѣшившимся переправиться черезъ рѣку верхомъ, это удалось; но на другомъ берегу они напрасно старались вкларбкаться на берегъ. Они падали и при паденіи пробивали ледъ такъ же и на правомъ берегу, такъ что въ концѣ концовъ осталась только гладкая площадка изъ плившаго льда, къ счастью покрывавшая самое глубокое мѣсто рѣки.

Приходилось переправляться по поясъ въ водѣ, чтобы добраться до льда, и такимъ же образомъ достигать потомъ праваго берега.

Между тѣмъ оставалось только одно: или переправиться, или погибнуть.

Былъ отданъ приказъ переправляться, и люди стали переправляться по одиночкѣ.

Число погибшихъ при этой переправѣ было значительно. Многіе изъ отсталыхъ рѣшились лучше попасть въ плѣнъ, чѣмъ рисковать жизнью. Мы потеряли тамъ нашихъ лошадей: только шесть изъ нихъ достигли противоположнаго берега. Видя невозможность спасти багажъ, маршалъ первый велѣлъ бросить свою повозку въ Днѣпръ. Та же участь постигла и шесть еще оставшихся у насъ пушекъ.

Эта переправа была закончена въ часъ ночи; у насъ оставалось не болѣе пяти или шести тысячъ человекъ, треть которыхъ составляли отсталые.